

# Символический капитал: интерпретации и виды

М. В. Демидова

Российская Федерация, 413100, Энгельс, ул. Волоха, 6

**Для цитирования:** Демидова М. В. Символический капитал: интерпретации и виды // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 3. С. 392–403. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.303>

Современная интеллектуализация труда привела к появлению символической формы капитала, интерпретации которого отличаются по смыслу, что создает проблему понимания и данного явления, и социального взаимодействия. Поэтому цель данной работы состоит в анализе и выявлении наиболее релевантного определения понятия «символический капитал». Методологическую базу исследования составили компаративный и диалектический подходы, реализуемые посредством анализа формы и содержания изучаемого понятия, а также в диалектике развития и существования видов символического капитала. Развитие гипотезы об обусловленности различных интерпретаций понятия «символический капитал» исследовательской позицией авторов достигается посредством выявления контекстов социального взаимодействия: экономического (Ж. Бодрийяр), общепрофессионального (информационного) (Э. Тоффлер) и социального (П. Бурдьё). Обосновано положение о том, что определение понятия «символический капитал», представленное П. Бурдьё в социальном ключе, является наиболее точным, общим и релевантным, так как экономика и профессиональная деятельность являются производными от деятельности социальной. Символический капитал в социальной интерпретации П. Бурдьё отображает эмпирический закон функционирования общества в целом, так как устанавливает регулярный процесс, характеризующий социальное взаимодействие в онтологических аспектах: преимущественно в процессах структурирования социального взаимодействия как социального обмена, рекурсивного по своей сути. Обоснована необходимость теоретического обоснования эмпирической стратегии «символический капитал», осуществление которой может быть начато с исследования его видов. Впервые выявлены шесть видов символического капитала: диффузный и объективированный (П. Бурдьё), прогрессивный и регрессивный, рефлексивный и нерефлексивный (авторские), выраженные в новых понятиях, которым даны определения. Данные виды символического капитала как концепты имеют большой методологический потенциал в отношении определения особенностей и закономерностей функционирования стратегии «символический капитал», а также в отношении решения проблемы понимания социального взаимодействия посредством символического капитала. Результаты исследования могут быть применены в социальной теории и практике, социальной философии.

*Ключевые слова:* символический капитал, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, Э. Тоффлер, символ, информация, знание, капитал, общество потребления, информационное общество.

## Актуальность, постановка проблемы и методологические основания исследования

Символический капитал — явление, которым ученые заинтересовались сравнительно недавно, примерно 50 лет назад. Его исследования стали актуальными в связи с развитием во второй трети XX в. информационных технологий, применя-

емых во многих сферах человеческой деятельности — в экономике, политике, культуре и др. Сегодня существует несколько интерпретаций понятия «символический капитал», отличающихся по смыслу, что создает проблему понимания и данного явления, и социального взаимодействия. Поэтому цель данной работы состоит в анализе и выявлении наиболее релевантного определения понятия «символический капитал».

Для достижения указанной цели изучается проблема понимания социального взаимодействия посредством символического капитала. Рабочая гипотеза состоит в идее о том, что разные интерпретации понятия «символический капитал» обусловлены исследовательской позицией авторов, рассматривавших его в различных контекстах социального взаимодействия.

Методология исследования базируется на компаративном и диалектическом подходах, реализуемых в виде анализа формы и содержания понятия «символический капитал», а также в диалектике развития и существования видов символического капитала.

### Компаративный анализ интерпретаций понятия «символический капитал»

Основополагающими для термина «символический капитал» являются понятия «символ» и «капитал», поэтому сначала следует определить их значение, а затем, опираясь на них и исходя из формального соответствия понятий, провести содержательный компаративный анализ имеющихся интерпретаций символического капитала.

**Символ.** Определений понятия «символ» очень много в связи с тем, что оно применяется во многих сферах. В *культурологии* символы трактуются как посредники между миром и человеком, который с их помощью творит идеалы, ценности, преобразующие культуру. В *эстетике* символ — одна из главных категорий, благодаря которой возможно взаимодействие художника и людей, воспринимающих его творение, содержащее некую идею, смысл. В *религиозных* интерпретациях символ опосредует коммуникацию между человеком и Богом; ее цель состоит в достижении сакрального знания. В *психологии* символ — информатор о психическом состоянии человека. В *социологии* символ — коммуникатор и регулятор общественного поведения. *Политическая* наука относится к символу более утилитарно, применяя его в качестве инструмента в современных политтехнологиях, нацеленных на донесение до людей конкретных смыслов информации. Наибольшее количество интерпретаций понятия «символ» содержится в *философии*. Он понимается как производная от творческой деятельности человеческого сознания (И. Кант), как онтологическая категория, соединяющая понимание и существование и обнаруживающая границы бытия и небытия (Э. Гуссерль), как коммуникатор (П. Рикер). Есть и другие определения. В целом философские трактовки сводятся к пониманию символа как «необходимого посредника в процессе познания, понимания, конституирования и конструирования внутреннего и внешнего миров человека» [1, с. 24].

В любом случае символ всегда информативен. *Информация* — это форма знания. Она субъектонеутральна и отличается от *знания*, которое субъективно и формируется индивидуально посредством интерпретации информации. В связи с этим

*символ* есть смысл, вкладываемый интерпретатором в информацию. Например, символ креста есть примерно в 40 культурах. *Факт* наличия креста является *информацией*. Смысл, вкладываемый в понятие «крест», есть *символ*. А материальное воплощение креста (например, крестик на цепочке) есть *знак*. То есть *символ* есть *идеальный* посредник в коммуникации человека и мира, имеющий смысл как некое знание, обладающее определенной ценностью. А *знак* — это *материальное* воплощение символа.

**Капитал.** Понятие «капитал» принадлежит преимущественно экономической науке, в которой он трактуется как накопленный запас вещей или денег (А. Смит), как средство производства (Д. Рикардо), как любое благо, приносящее доход (деньги) своему владельцу (И. Фишер). Но наиболее распространенным является определение философа К. Маркса, согласно которому капитал — это «стоимость, приносящая прибавочную стоимость» [2]. «Капитал есть движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии... Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое» [3, с. 121]. Согласно К. Марксу, капитал, основанный на физическом труде, имеет материальное обеспечение денег в форме имущества: «Капитал — это не вещь, а... производственное отношение, которое представлено в вещи... Капитал — это превращенные в капитал средства производства, которые сами по себе столь же являются капиталом, как золото или серебро сами по себе — деньгами» [4, с. 886–887].

Исходя из данных определений капитала, современные исследователи заговорили о новой символической форме капитала, изучаемого в различных контекстах его функционирования: экономическом, общепрофессиональном (или информационном) и социальном.

**Социально-экономическая интерпретация понятия «символический капитал»** принадлежит французскому философу Ж. Бодрийяру (Jean Baudrillard; 1929–2007). Она основана на созданной им концепции общества потребления, изложенной в 1970 г. в книге «Общество потребления. Его мифы и структуры» [5]. Согласно Ж. Бодрийяру, проанализировавшему историю развития капитализма, современное общество вступило в его новую фазу, при которой основными средствами производства стали информационные технологии. С их помощью капиталисты, формирующие социальные идеалы и ценности с целью получения большей прибыли от продажи товаров, держат общество под информационным воздействием. Очень часто желание сделать покупку намеренно формируется с помощью технологий воздействия на сознание людей. Применение информационных технологий (средств массовой информации, интернета) позволяет посредством рекламы намеренно транслировать определенные ценности, заставляющие людей покупать конкретные товары тех или иных производителей. В связи с этим в таком обществе социальный статус человека определяется исходя из его экономических возможностей приобретения товаров, т.е. потребительского поведения. Наиболее высоким социальным статусом здесь обладают те, кто может позволить себе приобрести дорогие брендовые товары. По мнению Ж. Бодрийяра, такое общество следует воображаемым социальным ценностям и идеалам. Капитал как экономическая ценность переносится в сферу социальных ценностей и диктует обществу воображаемые социальные регуляторы, становясь капиталом символическим. В нем закрепляются идеальные воображаемые ценности, названные Ж. Бодрийяром си-

мулякрами, под которыми он понимал копии копий, оригиналы которых никогда не существовали, или, другими словами, полные вымыслы [6]. Вымысел противоположен смыслу, поэтому симуляционные процессы заполняют пространство социальных коммуникаций не реальным, а «фантомным содержанием» [7, с. 89].

Исходя из этого символический капитал понимался Ж. Бодрийяром как капитал симуляционный, в связи с отождествлением понятий «мулякр» и «символ», который в свою очередь в этой интерпретации выступает в качестве знака. Данные идеи Ж. Бодрийяр развил при объяснении товарно-стоимостных отношений, в которых знак представляет собой денежно-стоимостное выражение товара: «...объект становится единством знака и товара; отныне товар выступает в качестве знака, а знак предстает в качестве товара» [8, с. 11]. То есть ценность товара определяется не на основе его качества или других реальных характеристик, а на основе приписываемого ему значения, например «модно» или «престижно». Такое значение и есть символический капитал, или просто имидж, в понимании Ж. Бодрийяра.

**Общепрофессиональную, или информационную, интерпретацию символического капитала** развивал позже американский футуролог Э. Тоффлер (Alvin Toffler; 1928–2016) в работах «Метаморфозы власти» (1990) [9] и «Революционное богатство: как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь» (2005) [10]. Он назвал «символическим капиталом» капитал информационный; в широком смысле — это «знания, отождествляемые с богатством» [9, с. 87–89]. В то же время, согласно Э. Тоффлеру, знания равнозначны информации, которая стала товаром со времени развития информационных технологий. Объяснения этого основного тезиса снабжены большим количеством примеров преимущественно из политической и экономической жизни американского общества. Опираясь на историю развития реальных бизнес-организаций, Э. Тоффлер продемонстрировал их обогащение и рост, связав его с применением и совершенствованием информационных технологий, а также с уровнем и качеством образования работников, из которых наиболее успешны те, кто занят интеллектуальным трудом. В политической сфере, по мнению Э. Тоффлера, также наибольшие дивиденды получают политики, активно и эффективно использующие информационные технологии.

Основными факторами функционирования символического (информационного) капитала являются пространство и время. Информационные технологии позволяют существенно экономить время, увеличивая скорость коммуникаций, что способствует большей мобильности знаний и в результате получению большей прибыли. Кроме этого, с помощью информационно-коммуникативных технологий достигается преодоление географических материальных границ, что также экономит время и снимает барьеры для действий. Как видим, согласно Э. Тоффлеру, символический капитал равнозначен информационному капиталу, применяемому в общепрофессиональной сфере деятельности людей. Похожие идеи немного позже в 2015 г. развил и конкретизировал С. Деменок в работе «Символический капитализм: материализация символа» [11], представив тем самым один из вариантов развития информационного общества.

**Социальная интерпретация символического капитала** принадлежит французскому философу и социологу Пьеру Бурдьё (Pierre Bourdieu; 1930–2002). В работе «Практический смысл» (1980) он определил его как «капитал чести и престижа,

который производит институт клиентелы, в той же мере, в какой сам производится ей» [12, с. 231]. Клиентела — это «социальные отношения зависимости» [13, с. 272], строящиеся на основе «стратегии накопления доверия, чести, направляемые и регулируемые габитусом как образом жизни социальной группы» [14, с. 92]. По сути символический капитал, согласно П. Бурдьё, — кредит доверия. Понятие «доверие» имеет много определений, обусловленных научной сферой деятельности авторов. Наиболее общим для них может быть следующее: «...установка личности на то, чтобы поручить себя кому-то или признать что-то без процедуры убеждения, например, доказательства. ...Это особый вид подчинения — подчинение авторитету» [15, с. 5].

Вероятно, применение Пьером Бурдьё понятия «символический капитал» связано с тем, что он усмотрел в социальных отношениях капитальную составляющую, приносящую взаимный доход в виде помощи близких людей или оказания взаимной услуги как «благодарности за благодеяния» [12, с. 230]. Символическим он назвал этот капитал в связи с тем, что символы, по мнению П. Бурдьё, являются инструментами социальной интеграции: «...как инструменты познания и общения они делают возможным консенсус по поводу смысла социального мира» [13, с. 91]. Кроме него, философ выделил также экономический, культурный и социальный капиталы, которые могут преобразоваться в символический, если получают всеобщее признание. Это значит, что символический капитал может быть одновременно всеми видами капитала.

Основываясь на органицистском исследовательском подходе, П. Бурдьё изучал общество как организм, имеющий тело («габитус») и его оформление («институцию»). Это позволило ему объяснить процессы происхождения и функционирования социальных норм. Габитус, являясь образом жизни людей, в ходе практической деятельности создает неформальные социальные нормы (обычаи, традиции, мораль и др.). Эти нормы могут быть формализованы на институциональном уровне в виде юридических законов, принимаемых депутатами (делегатами), выбранными габитусом для представления его интересов. Выбор делегатов осуществляется с помощью символического капитала как кредита доверия, который они могут вернуть в виде юридической формализации интересов габитуса. Такой вид социальной организации характерен для демократических государств.

На основе представлений о символическом капитале П. Бурдьё объяснил процессы социального стратифицирования. Он выделил два социальных класса: «бизнесмены» (те, у кого много экономического, но мало культурного капитала) и «интеллектуалы» (те, у кого много культурного, но мало экономического капитала). С помощью символического капитала они могут вести между собой борьбу, пытаясь достичь господствующего положения. Так как центры власти есть центры доверия, то структура социальной стратификации может изменяться в направлении появляющихся центров доверия. Если представитель социального класса выполняет свой долг, то доверие к нему растёт, а значит, возрастают его влияние и власть. Величина символического капитала может изменяться в зависимости от величины доверия. Так как специфика кредита состоит в том, чтобы быть возвращенным, то символический капитал помогает оценить возможность возврата долга: при высокой вероятности возврата растёт доверие к социальному актору. Исходя из вышесказанного можно утверждать, что П. Бурдьё интерпретировал символический капитал не в экономическом, а в социальном смысле.

Как видим, интерпретации понятия «символический капитал» отличаются. Наиболее релевантной данному понятию *по форме* является интерпретация, предложенная П. Бурдьё, так как она построена на наиболее точном понимании определений понятий «символ» и «капитал». Если Ж. Бодрийяр отождествил символ и симулякр, а Э. Тоффлер отождествил символ и информацию, то П. Бурдьё считал символ смыслонаполненной формой, что соответствует пониманию символа, определяемого как идеальный посредник в коммуникации человека и мира, имеющий смысл как некое знание, обладающее определенной ценностью.

С позиций *содержательного компаративного подхода* интерпретация П. Бурдьё оказывается также более точной, так как является более общей по отношению к другим — социально-экономической Ж. Бодрийяра и общепрофессиональной (как разновидности социально-экономической деятельности) интерпретации Э. Тоффлера. Это можно утверждать в связи с тем, что экономическая (или хозяйственная) деятельность представляет собой лишь одну из форм деятельности общества, поэтому узконаправленные экономические интерпретации понятия «символический капитал» не отображают всю его сущность.

Между тем символический капитал в социальной интерпретации П. Бурдьё отображает эмпирический закон функционирования общества в целом, так как устанавливает регулярный процесс, характеризующий социальное взаимодействие в онтологических аспектах: преимущественно в процессах структурирования социального взаимодействия как социального обмена, рекурсивного по своей сути. Данные процессы исследованы П. Бурдьё с помощью понятия «социальные практики», понимаемые как «“разумные” способы поведения, идущие от “здорового смысла”... Практики стремятся воспроизвести закономерности, присущие условиям, в которых было сформировано их порождающее начало» [16, с. 47], т. е. габитус. Он реализуется с помощью стратегий, определяемых П. Бурдьё как осуществление целей. Они «детерминированы прошлыми условиями производства их принципа формирования, т. е. будущим, уже произошедшим с прошлыми — тождественными или заменяемыми — практиками, совпадающими с их будущим» [16, с. 53]. Другими словами, социальное взаимодействие происходит посредством стратегии «символический капитал», т. е. кредита доверия. Если по К. Марксу социальные отношения проявляются посредством вещей, то согласно П. Бурдьё они проявляются посредством социальных практик.

Вероятно, применение П. Бурдьё экономического термина «кредит», понимаемого как отсроченный во времени долг, объясняется принадлежностью французского философа к европейской культуре, основанной на принципах протестантской этики, несущей в себе «дух капитализма». Даже исследование П. Бурдьё не европейского, а алжирского общества, хоть и позволило выявить эмпирический социальный закон, но представил его П. Бурдьё все же в европейской рациональной терминологии.

Выявление П. Бурдьё стратегии «символический капитал» в качестве эмпирического закона социального взаимодействия имеет большую научно-практическую ценность, но вместе с этим требует теоретического осмысления в отношении исследования социальных взаимодействий. Более того, активное использование данной социальной стратегии практически на всех уровнях деятельности человека свидетельствует не об исчезновении капитализма и переходе к посткапитализму, а на-

оборот, скорее о его развитии и переходе в новую фазу, охватывающую не только социально-экономическую сферу, но и другие аспекты социальной деятельности. Ведь, как показывает наше исследование, символический капитал в интерпретации П. Бурдьё приносит не только финансовую, но и другие виды прибыли: социальную, политическую, культурную и пр.

Одним из первых шагов теоретического осмысления стратегии «символический капитал» является выделение его видов, что позволяет распознать способы функционирования символического капитала. В нашем дальнейшем исследовании мы будем исходить из понимания символического капитала в интерпретации П. Бурдьё.

### Виды символического капитала

П. Бурдьё обозначил два вида символического капитала — *диффузный (инкорпорированный) и объективированный*. Основанием для их выделения стал характер социального признания: *диффузный* символический капитал присущ габитусу и «есть только результат коллективного признания»; *объективированный* символический капитал «кодифицирован, делегирован, гарантирован государством, короче — бюрократизирован» [13, с. 239]. Посредством этих видов капитала «устанавливается дистанция в отношении необходимости и ее насущных требований» [16, с. 48]. Другими словами, с помощью данных видов капитала возможно объяснение взаимодействия габитуса и институции во временных аспектах, так как габитус непостоянен, объективирован в институции, а потому «понять, что есть габитус, можно только при условии соотнесения социальных условий, в которых он формировался (производя при этом условия своего формирования), с социальными условиями, в которых он был “приведен в действие”» [16, с. 48].

Так как главным условием функционирования символического капитала, согласно П. Бурдьё, является социальное признание, мы можем утверждать, что способ существования этого капитала является социально-эпистемологическим. Он преобразовывает различные виды капитала в их значение для процессов и результатов социального взаимодействия. Конкретное общество, имея единую цель развития, движется к ней в процессе социальных взаимодействий.

Социальный механизм выбора направления развития во все времена один и тот же — это символический капитал. Он отличен от доверия, которое поддерживает функционирование общества и баланс сил в нем. Но символический капитал есть кредит доверия. Следовательно, он по сути перспективен и нацелен не столько на поддержание существующих социальных отношений, сколько на их развитие, которое есть переход через меру, т. е. увеличение существующего символического капитала, если оно прогрессивное.

В связи с этим мы можем выделить еще два бинарных вида символического капитала: *прогрессивный и регрессивный*. Они формируются с помощью репутации как «реальной и рациональной составляющей символического капитала субъекта карьеры и имиджа как эмоциональной и виртуальной составляющей символического капитала» [17, с. 21]. «Репутационное строительство предполагает наращивание экономического, культурного и социального капиталов. При имиджировании публично заявляется не объективное приращение капиталов субъекта, а припи-

саннные индивиду качества, способствующие увеличению его символического капитала...» [18, с. 150]. Поэтому *прогрессивный* символический капитал — это кредит доверия, обеспечивающий социальный прогресс посредством положительной репутации. Он способствует социальному развитию. *Регрессивный* символический капитал — это кредит доверия, ведущий к социальному регрессу посредством отрицательной репутации.

Так как кредит — это отсроченный во времени капитал, то прогрессивность и регрессивность определяются за определенный период времени. А так как оценки социальных акторов могут иметь субъективную окраску, то прогрессивность развития может быть обусловлена спецификой социального пространства или среды как социальных контекстов. Они являются средой функционирования символического капитала, содержащей социальный опыт, зафиксированный в знании. Социальный опыт содержит «оценки воспринимаемых единиц общества, с учетом которых делаются выводы о количестве и качестве символического капитала» [17, с. 22].

В связи с этим можем выделить еще два вида символического капитала: *рефлексивный и нерефлексивный*. Они представляют собой познавательные стратегии социального функционирования и осуществляются исходя из рефлексивности и нерефлексивности доверия. Сегодня существует много интерпретаций понятия доверие: «уровень субъективной оценки действий других» [19, с. 54]; «признание добросовестности, предсказуемости, честности, солидарности других людей» [20, с. 62]; «механизм создания атмосферы взаимопонимания» [21, с. 57]». Эти и другие определения приведены в работе, посвященной исследованию смысловых аспектов доверия [22]. По мнению Е. В. Биричевой, применившей очень удачные и красивые аллегории, «не потому оно — доверие, что мы знаем и уверены или, напротив, рискуя обмануться, компенсируем им свое незнание; оно вообще, как говорит само слово, “до” веры... т. е. “по ту сторону” от знания... Доверие — это, скорее, состояние, в котором мы можем оказаться, или режим существования, открывающий доступ пребыванию на “уровне” истины... Доверия, неслучайно созвучного со словом “дверь”, нет в “метрическом” пространстве дискурсов и обстановок, потому что оно — не занимающий места переключатель, который ничего ни в словах, ни в вещах не меняет, но способен менять наше видение одного и того же» [22, с. 9].

Доверие, строящееся на нерефлексивных способах получения знания (ощущения, переживания, интуиция), лежит в основе *нерефлексивного* вида символического капитала. Этот вид является «социальной стратегией на уровне габитуса, где главным условием отношений выступают ценности, выраженные в традициях, обычаях, ритуалах в качестве нерефлексивных индивидуальных и коллективных социальных практик» [17, с. 22].

Рационально обоснованное доверие, строящееся на основе научных знаний, лежит в основе *рефлексивного* вида символического капитала. Этот вид является социальной стратегией на институциональном уровне общества. Главным регулятором социального взаимодействия здесь являются «формальные нормы, зафиксированные в правовой системе» [17, с. 22].

Представленные здесь виды символического капитала являются не разными его видами, а скорее разными сторонами одного и того же явления и отражают его основные характеристики: динамичность, ценностную изменимость, осозна-

ваемость. Выявленные виды символического капитала как концепты имеют большой методологический потенциал в отношении определения особенностей и закономерностей функционирования стратегии «символический капитал», так как могут способствовать прогнозированию применения данной стратегии в тех или иных социальных условиях, а также способствуют пониманию главной социальной функции — социального взаимодействия, которое делает общество обществом.

## Выводы

Таким образом, в проведенном исследовании изучена проблема понимания социального взаимодействия посредством символического капитала. Проанализированы три интерпретации понятия «символический капитал»: социально-экономическая Ж. Бодрийяра, общепрофессиональная (или информационная) Э. Тоффлера и социальная П. Бурдьё. Обоснована наибольшая релевантность определения данного понятия в интерпретации П. Бурдьё. На основе данной интерпретации впервые представлены шесть видов символического капитала: диффузный и объективированный (П. Бурдьё), прогрессивный и регрессивный, рефлексивный и не-рефлексивный (авторские), выраженные в новых понятиях, которым даны определения. Результаты исследования могут быть применены в социальной теории и практике, социальной философии.

## Литература

1. Демидова, М. В. (2013), Понятие «символ»: социально-философский подход, в: *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история*, Новосибирск: СибАК, с. 23–30.
2. Маркс, К. (1960), Капитал, т. I, кн. I: Процесс производства капитала, в: Маркс, К. и Энгельс, Ф., *Сочинения*, т. 23, 2-е изд., М.: Гос. изд-во полит. лит.
3. Маркс, К. (1961), Капитал, т. II, кн. II: Процесс обращения капитала, в: Маркс, К. и Энгельс, Ф. *Сочинения*, т. 24, 2-е изд., М.: Гос. изд-во полит. лит.
4. Маркс, К. (1961), Капитал, т. III, кн. III: Процесс капиталистического производства, взятый вместе, в: Маркс, К. и Энгельс, Ф., *Сочинения*, т. 25, ч. I, 2-е изд., М.: Гос. изд-во полит. лит.
5. Бодрийяр, Ж. (2006), *Общество потребления. Его мифы и структуры*, пер. с фр., послесл. и примеч. Самарская, Е. А., М.: Республика; Культурная революция.
6. Бодрийяр, Ж. (2015), *Симулякры и симуляции*, пер. с фр. Качалов, А., М.: Постум.
7. Декомб, В. (2000), *Современная французская философия*, М.: Весь мир.
8. Демченко, Л. М. (2009), Знаково-символические структуры и их роль в исследовании специфики общественной реальности в философии Ж. Бодрийяра, *Вестник ОГУ*, № 9 (103), с. 9–17.
9. Тоффлер, Э. (2004), *Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века*, М.: АСТ.
10. Тоффлер, Э., Тоффлер, Х. (2008), *Революционное богатство: как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь*, пер. с англ. Султанова, М. и Цыркун, Н., М.: АСТ; Профиздат.
11. Деменок, С. (2015), *Символический капитализм: материализация символа*, СПб.: Страта.
12. Бурдьё, П. (2001), *Практический смысл*, СПб.: Алетейя.
13. Бурдьё, П. (2007), *Социология социального пространства*, пер. с франц.; отв. ред. пер. Шматко, Н. А., М.: Ин-т эксперимент. социол.; СПб.: Алетейя.
14. Демидова, М. В. (2015), Модели управления символическим капиталом, *Вестник Поволжской академии государственной службы*, № 1 (46), с. 91–98.
15. Невважай, И. Д. (2010), Знание, вера, доверие и научное образование, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*, № 3, с. 3–6.

16. Бурдые, П. (1998), Структура, габитус, практика, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 1, № 2, с. 44–59.
17. Демидова, М. В. (2015), Социально-философское обоснование теории символического капитализма, *Философия права*, № 4 (71), с. 20–23.
18. Иванов, М. М. (2011), *Символический капитал работника как средство реализации карьеры*: автореф. дис. ... канд. социол. наук, М.
19. Дедюлина, М. А. (2016), Доверие в мире информационно-компьютерных технологий, *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, № 12 (74): в 3 ч., ч. 3, с. 54–56.
20. Мартьянов, В. С. (2017), Доверие в современной России: между поздним Модерном и новой сословностью?, *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, т. 17, вып. 1, с. 61–82. <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.1.6182>
21. Петрова, Г. И., Петренко, В. В. и Петров, Ю. Л. (2021), Доверие как иррациональная компонента радио: значение в конструировании личностной идентичности, *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, № 61, с. 54–61. <https://doi.org/10.17223/1998863X/61/7>
22. Биричева, Е. В. (2023), Экзистенциальный смысл доверия, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 39, вып. 1, с. 4–17. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.101>

Статья поступила в редакцию 30 августа 2023 г.;  
рекомендована к печати 2 июля 2024 г.

Контактная информация:

Демидова Марина Владимировна — канд. филос. наук; <https://orcid.org/0000-0003-3424-2115>,  
demidovamv@rambler.ru

## Symbolic Capital: Interpretations and Types

M. V. Demidova

6, ul. Volokha, Engels, 413100, Russian Federation

**For citation:** Demidova M. V. Symbolic Capital: Interpretations and Types. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 3, pp. 392–403. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.303> (In Russian)

The modern intellectualization of labour has led to the emergence of a symbolic form of capital, the interpretations of which differ in meaning, which creates a problem of understanding both this phenomenon and social interaction. Therefore, the purpose of this work is to analyze and identify the most relevant definition of the concept of “symbolic capital”. The methodological basis of the study was made up of comparative and dialectical approaches implemented by analyzing the form and content of the concept under study, as well as in the dialectic of the development and existence of types of symbolic capital. The development of the hypothesis about the conditionality of various interpretations of the concept of “symbolic capital” by the authors’ research position is achieved by identifying various contexts of social interaction: economic (Zh. Baudrillard), general professional (informational) (E. Toffler) and social (P. Bourdieu). The article substantiates the position that the definition of the concept of “symbolic capital”, presented by P. Bourdieu in a social way, is the most accurate, general and relevant, since economics and professional activity are derived from social activity. Symbolic capital in the social interpretation made by P. Bourdieu reflects the empirical law of the functioning of society as a whole, since it establishes a regular process that characterizes social interaction in ontological aspects: mainly in the processes of structuring social interaction

as a social exchange, recursive in nature. For the first time, six types of symbolic capital were identified: diffuse and objectified (P. Bourdieu), progressive and regressive, reflexive and non-reflexive (author's), expressed in new concepts, which are defined. These types of symbolic capital as concepts have great methodological potential in determining the features and patterns of the functioning of the "symbolic capital" strategy. The results of the research can be applied in social theory and practice, social philosophy.

*Keywords:* symbolic capital, J. Baudrillard, P. Bourdieu, E. Toffler, symbol, information, knowledge, capital, consumer society, information society.

## References

1. Demidova, M. V. (2013), The concept of "symbol": a socio-philosophical approach, *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya*, Novosibirsk: SibAK Publ., pp. 23–30. (In Russian)
2. Marx, K. (1960), Capital, vol. I, book I: Process of production of capital, in: Marx, K. and Engels, F., *Sochineniya*, vol. 23, 2<sup>nd</sup> ed., Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russian)
3. Marx, K. (1961), Capital, vol. II, book II: Process of circulation of capital, in: Marx, K. and Engels, F., *Sochineniya*, vol. 24, 2<sup>nd</sup> ed., Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russian)
4. Marx, K. (1962), Capital, vol. III, book III: Process of capitalist production, taken as a whole, in: Marx, K. and Engels, F., *Sochineniya*, vol. 25, pt. II, 2<sup>nd</sup> ed., Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russian)
5. Baudrillard, J. (2006), *Consumer society. Its myths and structures*, transl. by Samarskaia, E. A., Moscow: Respublika Publ.; Kul'turnaia revoliutsiia Publ. (In Russian)
6. Baudrillard, J. (2015), *Simulacres et simulation*, transl. by Kachalov, A., Moscow: Postum Publ. (In Russian)
7. Descombes, V. (2000), *Modern French Philosophy*, Moscow: Ves' mir Publ. (In Russian)
8. Demchenko, L. M. (2009), Sign-symbolic structures and their role in the study of the specifics of social reality in the philosophy of J. Baudrillard, *Vestnik OGU*, no. 9 (103), pp. 9–17. (In Russian)
9. Toffler, E. and Toffler, H. (2008), *Revolutionary Wealth: how it will be created and how it will change our live*, transl. by Sultanova, M. and Tsyrukun, N., Moscow: AST Publ.; Profizdat Publ. (In Russian)
10. Toffler, E. (2004), *Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21<sup>st</sup> Century*, M.: AST Publ. (In Russian)
11. Demenok, S. (2015), *Symbolic Capitalism: the Materialization of the Symbol*, St. Petersburg: Strata Publ. (In Russian)
12. Bourdieu, P. (2001), *Practical meaning*, St. Petersburg: Aleteiia Publ. (In Russian)
13. Bourdieu, P. (2007), *Sociology of social space*, transl. by Shmatko, N. A., Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ.; St. Petersburg: Aleteiia Publ. (In Russian)
14. Demidova, M. V. (2015), Symbolic capital management models, *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby*, no. 1 (46), pp. 91–98. (In Russian)
15. Nevvazhaj, I. D. (2010), Knowledge, faith, trust and scientific education, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 6: Filosofiya, kul'turologiya, politologiya, mezdunarodnye otnosheniia*, no. 3, pp. 3–6. (In Russian)
16. Bourdieu, P. (1998), Structure, habitus, Practice, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 1, no. 2, pp. 44–59. (In Russian)
17. Demidova, M. V. (2015), Socio-philosophical justification of the theory of symbolic capitalism, *Filosofiya prava*, no. 4 (71), pp. 20–23. (In Russian)
18. Ivanov, M. M. (2011), *Symbolic capital of an employee as a means of career realization*: PhD in Sociology thesis abstract, Moscow.
19. Dediulina, M. A. (2016), Trust in the World of Information Computer Technologies, *Istorichesk- ie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12 (74), pt. 3, pp. 54–56. (In Russian)

20. Mart'ianov, V.S. (2017), Trust in Contemporary Russia: Between Late Modernity and New Estate Order? *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 17, no. 1, pp. 61–82. <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.1.6182> (In Russian)

21. Petrova, G. I., Petrenko, V. V. and Petrov, Iu. L. (2021), Trust as an Irrational Component of Rationality: Role in the Construction of Personal Identity, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii*, no. 61, pp. 54–61. <https://doi.org/10.17223/1998863X/61/7> (In Russian)

22. Biricheva, E. V. (2023), Existential sense of trust. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 39, iss. 1, pp. 4–17. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.101> (In Russian)

Received: August 30, 2023

Accepted: July 2, 2024

#### Author's information:

Marina V. Demidova — PhD in Philosophy; <https://orcid.org/0000-0003-3424-2115>,  
demidovamv@rambler.ru